

Испытание

– Курсант Пиркс!

Голос Ослиного Лужка заставил его очнуться. Он как раз представил себе, что в часовом кармашке старых гражданских брюк, спрятанных на дне шкафа, завалялась двухкрановая монетка. Серебряная, звенящая, забытая. Еще минуту назад он точно знал, что там ничего нет – разве что старая почтовая квитанция, – но постепенно уверил себя, что монета там могла быть, и, когда Ослиный Лужок назвал его имя, он уже в этом не сомневался. Он прямо-таки осязал ее округлость и видел, как она распирает кармашек. Можно сходить в кино, и полкроны еще останется. А если только на хронику, останется полторы; крону он отложил бы, а на остальное сыграл бы на автоматах. А вдруг автомат заест, и он начнет без конца сыпать монеты прямо в протянутую ладонь – только успевай рассовывать по карманам и опять подставлять руку... случилось же такое со Смигой! Он уже сгибался под тяжестью неожиданно привалившего к нему богатства, когда его вызвал Ослиный Лужок.

Преподаватель, заложив, как обычно, руки за спину и опираясь на здоровую ногу, спросил:

– Курсант Пиркс, что бы вы сделали, если бы в патрульном полете встретили инопланетный корабль?

– Я бы приблизился, – проговорил он глухим, почему-то огрубевшим голосом.

Аудитория замерла. Это обещало быть поинтереснее лекции.

– Очень хорошо, – отечески подбодрил его Ослиный Лужок. – И что же дальше?

– Я бы затормозил, – выпалил курсант Пиркс, чувствуя, что вышел далеко за переднюю линию своих познаний. Он лихорадочно искал в опустевшей вдруг голове какие-то параграфы «Поведения в Пространстве». Ему казалось, что он в жизни туда не заглядывал. Он скромно потупил глаза и увидел, что Смига что-то шепчет одними губами. Он угадал подсказку и повторил ее вслух, прежде чем смысл сказанного дошел до него:

– Я бы им представился.

Весь курс застонал от смеха. Даже Ослиный Лужок не смог удержаться. Однако серьезность очень скоро вернулась к нему.

– Курсант Пиркс, завтра зайдите ко мне с бортовым журналом. Курсант Берет!

Пиркс сел так осторожно, точно стул был из стекла, еще не совсем остывшего. Он даже не очень-то обижался на Смигу – такой уж он был, Смига, не мог пропустить удачной okazji. Он не слышал ни слова из того, что говорил Берст, – тот чертил на доске кривые, а Ослиный Лужок, как обычно, приглушал ответы электронного Вычислителя, так что отвечавший в конце концов запутывался в расчетах. Устав разрешал прибегать к помощи Вычислителя, но у Ослиного Лужка была собственная теория на этот счет: «Вычислитель – тот же человек, – говорил он, – и может оплошать». Пиркс и на Ослиного Лужка не обижался. Он вообще ни на кого не обижался. Почти никогда. Пять минут спустя он уже стоял перед магазином на улице Дьерхоф и разглядывал выставленные в витрине газовые пистолеты. Из них можно было стрелять холостыми зарядами – пулевыми и газовыми, полный комплект шесть крон, вместе

с сотней патронов. Понятно, на Диерхоф он тоже был только в мечтах.

После звонка курсанты двинулись к выходу, – но без крика и топота, как первый или второй курс; в конце концов они уже не дети! Чуть ли не половина курса пошла в столовую – есть там пока было нечего, зато можно было встретить новую официантку. Говорят, хорошенькая. Пиркс медленно спускался по лестнице, минуя остекленные стеллажи, заставленные звездными глобусами, и надежда на то, что в кармашке действительно есть монета, таяла с каждым шагом. На последней ступеньке он уже точно знал, что ее там никогда не было.

У арки ворот стояли Берст, Смига и Паярц, с которым они полгода сидели за одним столом на космодезии. Он еще тогда замазал тушью все звезды в атласе Пиркса.

– У тебя завтра пробный полет, – сказал Берст, когда Пиркс поравнялся с ними.

– Порядок, – отозвался он флегматично. Его так просто не разыграешь.

– Не веришь – прочти! – Берст ткнул пальцем в стекло доски приказов.

Пиркс хотел пройти дальше, но голова повернулась сама. В списке было только три имени. «Курсант Пиркс», – значилось там черным по белому, в самом верху.

Несколько мгновений он ничего не видел.

Потом откуда-то издалека услышал собственный голос:

– Ну так что? Я же сказал – порядок.

Дорожка вела между клумбами. В этом году тут было множество незабудок, искусно высаженных в виде приземляющейся ракеты. Лютики изображали выхлопной огонь, но они уже отцвели. Пиркс не видел ни клумб, ни дорожки, ни незабудок, ни Ослиного Лужка, поспешным шагом вышедшего из бокового флигеля Института, чуть было не налетел на него в воротах и отдал честь перед самым его носом.

– А, Пиркс! – сказал Осиный Лужок. – Вы ведь завтра летите? Хорошей тяги! Может, вам посчастливится встретить тех – инопланетян.

Здание общежития находилось напротив, в парке, за большими плакучими ивами. Оно стояло у пруда, и каменные колонны бокового крыла высились над самой водой. Кто-то пустил слух, будто эти колонны привезены прямо с Луны, – вздор, разумеется, – но первокурсники со священным трепетом вырезали на них инициалы и даты. Где-то там было и имя Пиркса – он усердно выдолбил его четыре года назад.

В своей комнате – такой маленькой, что он жил в ней один, – он долго не мог решить, стоит ли открывать шкаф. Он точно помнил, где лежат старые брюки. Их запрещалось оставлять у себя, потому-то он их и оставил. Ну, какой еще от них прок? Он зажмурился, присел на корточки, через приоткрытую дверцу сунул руку вовнутрь – и ощупал кармашек. Ну конечно, он так и знал. Там ничего не было.

Он стоял в ненадутом комбинезоне на стальном помосте, под самой крышей ангара, цепляясь локтем за трос, протянутый вместо поручней: обе руки у него были заняты. В одной он

держал бортовой журнал, в другой – шпаргалку. Шпаргалку одолжил ему Смига – говорили, что с ней летал весь курс. Неясно, правда, как она возвращалась обратно, ведь после первого пробного полета курсантов сразу же отправляли на север, на Базу, и зубрежка к выпускным экзаменам шла уже там. Но, видно, как-то она возвращалась, – может, ее сбрасывали на парашюте? Конечно, это была только шутка.

Он стоял на пружинящей стальной доске, над сорокаметровой бездной, и коротал время, пробуя угадать, будут ли его обыскивать, – это, увы, случилось. В пробные полеты курсанты брали самые неожиданные и строжайше запрещенные вещи: от плоских фляжек с водкой и жевательного табака до фотографий знакомых девушек. Не говоря уж, само собой, о шпаргалках. Пиркс долго искал на себе место, где бы ее спрятать. Он перепрятывал ее раз пятнадцать – в ботинок под пятку, между двумя носками, за край ботинка, во внутренний карман комбинезона, в маленький звездный атлас – карманные брать разрешалось; подошел бы футляр для очков, но, во-первых, футляр понадобился бы громадный, во-вторых, он не носил очков. Чуть позже он сообразил, что в очках его бы не приняли в Институт.

Итак, он стоял на стальном помосте в ожидании обоих инструкторов и Шефа, а те почему-то опаздывали, хотя старт был назначен на девятнадцать сорок, а часы уже показывали девятнадцать двадцать семь. Будь у него кусочек пластыря, он, пожалуй, прилепил бы шпаргалку под мышкой. Говорят, коротышка Джеркес так и сделал, а когда инструктор дотронулся до него, запищал, что, дескать, боится щекотки, – и проскочил. Но Пиркс не был похож на человека, который боится щекотки. Он это знал и не обманывался на свой счет. Поэтому он просто держал шпаргалку в правой руке; потом, вспомнив, что придется здороваться за руку со всей троицей, переложил шпаргалку в левую, а бортжурнал – из левой в правую. Манипулируя таким образом, он незаметно привел в движение стальной помост – тот уже раскачивался, как трамплин. И тут он услышал шаги. Идущих он увидел не сразу – под крышей ангара было темно.

Явились все трое, как обычно ради такой оказии – в мундирах, стройные и подтянутые, особенно Шеф. А на нем, на курсанте Пирксе, был комбинезон, который даже без воздуха выглядел как двадцать сложенных вместе доспехов регбийного игрока, к тому же по обе стороны высокого ворота свисали разъемы кабелей ближней и дальней радиосвязи, на шее болтался шланг кислородного аппарата с вентилем на конце, в спину врезался резервный баллон, в двойном противоположном белье было дьявольски жарко, но пуще всего его донимало устройство, благодаря которому в полете не надо отлучаться по нужде (впрочем, в ракете первой ступени, служившей для пробных полетов, отлучиться было бы некуда).

Помост вдруг начал подпрыгивать. Кто-то шел сзади – это был Берст, в таком же комбинезоне; он четко отдал честь рукой в огромной перчатке и остановился так близко от Пиркса, словно всерьез решил спихнуть его вниз.

Когда начальство двинулось наконец вперед, Пиркс удивленно спросил:

– Ты тоже летишь? Тебя же не было в списке.

– Брендан заболел. Я за него, – ответил Берст.

Пирксу стало как-то не по себе. В конце концов это была редкая, прямо-таки единственная возможность хотя бы на миллиметр подняться к недостижимым высотам, на которых пребывал Берст, словно бы вовсе о том не заботясь. У них на курсе он был не только самым

способным – с этим Пиркс еще примирился бы, он даже питал уважение к математическим талантам Берста, с тех пор как имел случай наблюдать его мужественный поединок с электронным Вычислителем: Берст стал отставать лишь при извлечении корней четвертой степени; мало того, что он был из состоятельной семьи и не имел нужды предаваться мечтам о монетах, заваливавшихся в старых штанах, – но он к тому же показывал превосходные результаты в легкой атлетике, прыгал как черт, отлично танцевал и, что тут скрывать, был очень хорош собой, чего нельзя было сказать о Пирксе.

Они шли по длинному помосту между решетчатыми консолями перекрытия, мимо выстроенных в ряд ракет, пока полумрак не сменился солнечным светом: здесь перекрытие было уже раздвинуто на протяжении двухсот метров. Над огромными бетонированными воронками, которые вбирали в себя и отводили пламя выхлопа, выселись рядом две конусообразных громадины – во всяком случае, Пирксу они показались громадинами: сорок восемь метров в высоту и одиннадцать в диаметре в самом низу, у ускорителей.

К люкам, уже открытым, были переброшены мостики, но проход загораживали маленькие красные флажки на гибких флагштоках и свинцовых подставках. Пиркс знал, что сам отодвинет флажок, когда на вопрос, готов ли он выполнить задание, ответит «готов», – и сделает это впервые в жизни. И тут же им овладело предчувствие, что, отодвигая флажок, он споткнется о трос и непременно растянется на помосте, – такое случалось. А если с кем-то случалось, то с ним случится наверняка: временами ему казалось, что он невезучий. Преподаватели смотрели на это иначе – дескать, он ротозей, растяпа, и вечно думает о чем угодно, только не о том, о чем полагалось бы думать. И правда, мало что давалось ему с таким трудом, как слова. Между его поступками и мыслями, облеченными в слова, зияла... не то чтобы пропасть, но, во всяком случае, какой-то зазор, который осложнял ему жизнь. Преподаватели не догадывались о том, что Пиркс мечтатель. Об этом не догадывался никто. Считалось, что он вообще ни о чем не думает. А это было не так.

Краешком глаза он увидел, что Берст уже стоит, как положено, в одном шаге от переброшенного к люку ракеты мостика, вытянувшись по стойке «смирно» и прижав руки к ненадутым резиновым сочленениям комбинезона.

Он подумал, что Берсту к лицу даже этот чудной наряд, словно сшитый из сотни футбольных мячей, и что комбинезон Берста действительно не надут, тогда как его собственный надут как-то неравномерно, и поэтому в нем так неудобно ходить, приходится так широко расставлять ноги. Он сдвинул их как можно теснее, но каблуки все равно не сходились. Почему же они сходились у Берста? Непонятно. Впрочем, если бы не Берст, он начисто забыл бы о том, что надо встать по стойке «смирно» спиной к ракете, лицом к трем людям в мундирах. Сперва они подошли к Берсту – допустим, лишь потому, что тот начинался на «Б», но и это не было чистой случайностью, вернее, было случайностью не в пользу Пиркса: ему всегда приходилось подолгу маяться в ожидании вызова, и он всякий раз нервничал – уж если должно случиться что-то плохое, то лучше бы сразу.

Он с пятого на десятое слышал, что говорили Берсту, а тот, вытянувшись в струнку, отвечал так быстро, что Пиркс ничего не понял. Потом они подошли к нему, и, когда Шеф начал говорить, Пиркс вдруг вспомнил, что лететь должны были трое, а не двое, куда же девался третий? К счастью, он все же услышал слова Шефа и в последнюю минуту успел выпалить:

– Курсант Пиркс к полету готов!

– Мда-а... – протянул Шеф. – И курсант Пиркс заявляет, что здоров телом и духом... гм... в пределах своих возможностей?

Шеф любил украшать стереотипные вопросы подобными завитушками и мог себе это позволить – на то он был и Шеф.

Пиркс подтвердил, что здоров.

– На время полета произвожу вас, курсант Пиркс, в пилоты, – произнес Шеф сакраментальную фразу. – Задание: вертикальный старт на половинной мощности ускорителей. Выйти на эллипс Б-68. Затем ввести поправку для выхода на постоянную орбиту с периодом обращения 4 часа 26 минут. На орбите ждать два корабля прямой связи типа ИО-2. Вероятная зона радарного контакта – сектор III, спутник ПАЛ, допустимое отклонение шесть угловых секунд. Установить радиотелефонную связь с целью согласования маневра. Маневр: сойти с постоянной орбиты курсом 60 градусов 24 минуты северной широты, 115 градусов 3 минуты 11 секунд восточной долготы. Начальное ускорение 2,2 g. Конечное ускорение по истечении 83 минут – ноль. Поддерживая радиотелефонную связь, пилотировать оба ИО-2 в строю треугольником до Луны, выйти на временную орбиту в ее экваториальной зоне согласно указаниям Луны-ПЕЛЕНГ, убедиться, что ведомые корабли находятся на орбите, сойти с нее и, выбирая ускорение и курс самостоятельно, вернуться на постоянную орбиту в зоне спутника ПАЛ. Там ожидать дальнейших приказаний.

Курсанты говорили, что скоро взамен нынешних шпаргалок появятся электронные – электромозги размером с вишневую косточку; дескать, сунешь их в ухо или под язык, и они всегда и везде подскажут, что хочешь. Но Пиркс в это не верил, полагая – вполне основательно, – что если что-нибудь такое появится, то курсанты будут уже не нужны. Пока что ему пришлось самому повторить задание – и ошибся он только раз, зато основательно, спутав минуты и секунды времени с минутами и секундами долготы. После чего, потный как мышь в своем противопотном белье под толстой оболочкой комбинезона, стал ждать дальнейшего развития событий. Повторить-то он повторил, но смысл задания еще не начал доходить до него. Единственной застрявшей в голове мыслью было: «Ну и досталось же мне сегодня!»

В левой руке он сжимал шпаргалку, правой протянул Шефу бортовой журнал. Устный пересказ был просто педантством: все равно задание вручалось в письменном виде, с вычерченным начальным отрезком курса. Шеф вложил конверт с заданием в кармашек, приклеенный к обложке журнала, вернул журнал Пирксу и спросил:

– Пилот Пиркс, к старту готовы?

– Готов! – ответил пилот Пиркс. В эту минуту ему хотелось лишь одного: очутиться в рулевой рубке. Только бы расстегнуть комбинезон, хотя бы у шеи!

Шеф отступят на шаг.

– По раке-е-там! – крикнул он великолепным, стальным голосом, который, как колокол, перекрыл глухой, неустанный гул огромного ангара.

Пиркс развернулся кругом, схватил красный флажок, споткнулся о трос ограждения, в последний момент удержал равновесие и тяжело, словно Голем, вступил на узенький мостик.

Он был еще только на середине, когда Берст (сзади он все же смахивал на футбольный мяч) уже входил в свою ракету.

Пиркс спустил ноги внутрь, ухватился за толстую обшивку люка, съехал по эластичному желобу вниз, не притрагиваясь к перекладинам («перекладины – только для умирающих пилотов», – говаривал Ослиный Лужок), и начал задраивать люк. Они отработывали это на тренажерах, а потом на настоящем люке, снятом с ракеты и установленном посреди учебного зала. Сотни, тысячи раз, до осточертения – левая рукоятка, правая рукоятка, пол-оборота, проверить герметичность, обе рукоятки до конца, дожать, проверить герметичность под давлением, задраить внутреннюю крышку люка, выдвинуть противометеоритный экран, покинуть входной туннель, запереть дверцу кабины, дожать, рукоятка, вторая рукоятка, стопор, все.

Пиркс подумал, что Берст, должно быть, давно уже сидит в своем стеклянном колпаке, тогда как он сам еще доворачивает маховик затвора, – и тут же вспомнил, что они ведь стартуют не одновременно, а с шестиминутным интервалом, так что спешить некуда. И все-таки лучше заранее сидеть на своем месте с включенным радиофоном – по крайней мере услышишь команды, которые отдают Берсту. Интересно, у него-то какое задание?

Свет в кабине включился автоматически, как только он задраил наружную крышку люка. Заперев свою лавочку на все засовы, он по маленькому ступеньчатому скату, выстланному шершавым и в то же время мягким пластиком, перешел на место пилота.

Бог знает, почему в этих маленьких одноместных ракетах пилот сидел в большой – три метра в диаметре – стеклянной банке. Банка эта, хотя и совершенно прозрачная, была, конечно, не из стекла и к тому же пружинила наподобие толстой, очень твердой резины. Этот пузырь, с раскладывающимся креслом пилота посередине, помещался внутри самой рулевой рубки, слегка конусообразной, так что пилот в своем «зубоврачебном кресле» (так его именовали курсанты) мог свободно вращаться по вертикальной оси и сквозь прозрачные стенки пузыря, в котором он был заключен, видел все циферблаты, индикаторы, передние, задние, боковые экраны, табло обоих вычислителей и астрографа и, наконец, святая святых – траектометр, на матовом, выпуклом стекле которого яркой, толстой чертой обозначался путь ракеты относительно неподвижных звезд в проекции Гаррельсбергера. Элементы этой проекции надо было знать наизусть и уметь читать ее по приборам в любом положении, даже вися вверх ногами. Слева и справа от сидящего в кресле пилота располагались четыре главные рукоятки реактора и рулевых отклоняющих дюз, три аварийные рукоятки, шесть рычагов малого пилотажа, рычаги пуска и холостого хода, регуляторы мощности тяги и продувки дюз; над самым полом – большое спицевое колесо климатизаторной и кислородной регулировки, рукоятки противопожарного устройства и катапульты реактора (на случай возникновения неконтролируемой ядерной реакции), тросик с петлей, закрепленной на верхней части шкафчика с термосами и едой, а под ногами – тормозные педали с мягким покрытием и петлями в виде стремян и еще педаль аварийной эвакуации: если на нее нажать (для этого надо было ногой разбить ее колпачок), пузырь катапультировался вместе с креслом, пилотом и ленточно-кольцевым парашютом.

Кроме этой главной цели – спасения пилота в случае неустранимой аварии, – насчитывалось еще не меньше восьми крайне важных причин, из-за которых понадобился стеклянный пузырь, и в более благоприятных условиях Пиркс даже сумел бы одним духом перечислить их все, но ни одна из них не казалась ему (да и другим курсантам) достаточно веской.

Расположившись как следует, он, с немалым трудом сгибаясь в поясе, принялся ввинчивать все свисавшие и торчавшие из него трубки, кабели и провода в разъемы, которыми ошетинилось кресло (причем всякий раз, когда он наклонялся вперед, комбинезон мягкой булкой упирался ему в живот), и, конечно, перепутал кабель радифона с обогревательным; хорошо еще, что у них была разная резьба, но ошибку он заметил только тогда, когда пот потек с него в три ручья; наконец сжатый воздух, шипя, мгновенно наполнил комбинезон, и Пиркс со вздохом облегчения откинулся назад, прилаживая руками оба набедренно-наплечных ремня.

Правый защелкнулся сразу, но левый почему-то не поддавался. Ворот, надутый, как автомобильная шина, не позволял оглянуться, он безуспешно тыкал вслепую широкой застежкой ремня, – а в наушниках уже заговорили приглушенные голоса:

–...Пилот Берст на АМУ-18! Старт по радифону по счету ноль. Внимание – готов?

– Пилот Берст на АМУ-18 готов к старту по радифону по счету ноль! – мгновенно отчеканил Берст.

Пиркс выругался – и карабин защелкнулся. Он откинулся в мягкое кресло, такой обессиленный, словно только что вернулся из долгого-долгого, межзвездного рейса.

– До старта – двадцать три... До старта – двадцать два... Два... – бубнило в наушниках.

Говорят, однажды, услышав громовое «Ноль!», стартовали оба курсанта сразу – тот, кому полагалось, и другой, ожидавший рядом своей очереди, – и вертикальными свечами шли в каких-то двухстах метрах друг от друга, рискуя в любое мгновенье столкнуться. Так, во всяком случае, рассказывали на курсе. И будто бы с тех пор запальный кабель подключают в последний момент, дистанционно, это делал сам комендант космодрома из своей остекленной кабины управления, – так что весь этот отсчет был просто блефом. Но как там на самом деле, никто не знал.

– Ноль! – загремело в наушниках, и одновременно до Пиркса донесся приглушенный, протяжный грохот, кресло слегка задрожало, чуть сдвинулись с места искорки света в прозрачной оболочке, под которой он лежал распростертый, уставившись в потолок – то есть в астрограф, в индикаторы циркуляции охлаждения, тяги главных дюз, вспомогательных дюз, плотности потока нейтронов, изотопных загрязнений и еще восемнадцать других, из которых половина следила исключительно за самочувствием ускорителя; дрожь ослабла, стена глухого грохота прошла где-то рядом и таяла там, вверху, будто в небе поднимали невидимый занавес; гром уходил все дальше, как обычно, становясь все больше похожим на отголоски далекой грозы; наконец наступила тишина.

Что-то зашипело, зажужжало – он даже не успел испугаться. Это автоматическое реле включило заблокированные прежде телеэкраны: если рядом кто-нибудь стартовал, объективы закрывались снаружи, чтобы их не повредило слепящее пламя атомного выхлопа.

Пиркс подумал, что такие автоматические устройства очень полезны, – так он размышлял о том и о сем, пока вдруг не почувствовал, что волосы встают у него дыбом под выпуклым шлемом.

«Господи, я же лечу! Я, я сейчас полечу!!!» – мелькнуло у него в голове.

Он судорожно начал готовить рукоятки к старту – то есть дотрагиваться до них в нужном порядке, считая про себя: раз, два, третья... а где четвертая? – потом эта... так, вот этот индикатор... и педаль... нет, не педаль... ага, вот она... красная рукоятка, зеленая, потом на автомат... так... или красная после зеленой?!

– Пилот Пиркс на АМУ-27! – прервал его размышления голос, ударяющий в самое ухо.– Старт по радиэфону по счету ноль! Внимание – готов?

«Еще нет!» – порывалось что-то крикнуть устами пилота Пиркса, но он ответил:

– Пилот Бе... пилот Пиркс на АМУ-27 готов... э-э... к старту по радиэфону по счету ноль!

Он чуть было не сказал «пилот Берст», потому что хорошо запомнил, как тот отвечал. «Дубина!» – выругал он себя самого в наступившей тишине. Автомат (и почему это у всех автоматов голос унтер-офицера?) отрывисто лял:

– До старта шестнадцать... пятнадцать... четырнадцать...

Пилот Пиркс обливался потом. Он силился вспомнить что-то ужасно важное – он знал, что это вопрос жизни и смерти, – и никак не мог.

–...до старта шесть... пять... четыре...

Мокрыми пальцами он стиснул стартовую рукоятку. Хорошо хоть шероховатая. Неужели все так потеют? Наверное, все... – тут наушники рявкнули:

– Ноль!!!

Его рука сама – совершенно сама – потянула за рукоятку и, доведя ее до середины, застыла. Пророкотало. Словно эластичный пресс упал ему на грудь и на голову. «Ускоритель», – успел он подумать, и в глазах потемнело. Однако не очень сильно и лишь на мгновение. Когда зрение вернулось к нему – хотя разлившаяся по всему телу тяжесть не отпускала уже ни на миг, – экраны, во всяком случае те три, что были прямо перед ним, бурлили как убегающее из миллиона кастрюль молоко.

«Ага, пробиваю облако», – догадался он. Теперь мысли текли медленней, как-то сонливо, зато он был совершенно спокоен. Спустия какое-то время им овладело чувство, будто он – всего только зритель этой, немного смешной, картины: детина развалился в «зубоврачебном кресле» и ни рукой, ни ногой; облака исчезли, небо еще отдает синевой, но какой-то поддельной, словно подведенное тушью, а на нем как будто бы звезды – или это не звезды?

Да, это были звезды. Стрелки сновали по потолку, по стенам, каждая на свой лад, каждая что-то показывала, и за всеми надо следить, а у него только пара глаз. Однако в ответ на короткий, повторяющийся писк в наушниках его левая рука сама – снова сама – потянула за рукоятку выбрасывателя ускорителя. Сразу стало полегче – скорость 7,1 в секунду, высота 201 километр, заданная траектория старта на исходе, ускорение 1,9, можно сесть, и вообще – теперь-то все только и начинается!

Он медленно возвращался в сидячее положение, нажимая на подлокотники и поднимая тем

самым спинку кресла, – и вдруг застыл в ужасе.

– Где шпаргалка?!

Это и была та невероятно важная вещь, которую он никак не мог вспомнить. Он обшаривал глазами пол, словно вокруг и в помине не было полчищ подмигивающих со всех сторон индикаторов. Шпаргалка валялась под самым креслом, – он наклонился, ремни, разумеется, не пустили, времени уже не было, и с таким чувством, словно он стоит на самом вершине высоченной башни и валится вместе с ней в пропасть, он достал из наколенного кармана бортовой журнал и вынул из конверта задание. Ничего не понять – где же, черт подери, орбита Б-68? Ага, вот эта! – он глянул на траектометр и начал входить в поворот. Даже странно – пока все шло как надо.

На эллипсе Вычислитель благосклонно выдал данные для поправки, он опять маневрировал, соскочил с орбиты, слишком резко притормозил, в течение десяти секунд ускорение достигало 3g, но ему это было хоть бы что, физически он был очень крепок («будь у тебя мозги как бицепсы, – говаривал Ослиный Лужок, – из тебя, глядишь, и получился бы толк»); с поправкой вышел на постоянную орбиту, по радиэфону сообщил данные Вычислителю, тот ничего не ответил, на его табло проплывали синусоиды холостого хода, Пиркс прорычал данные еще раз – ну конечно, забыл переключиться, – переключил радиэфон, и на табло выскочила мерцающая вертикальная линия, а все окошечки дружно показывали одни единицы. «Я на орбите!» – обрадовался он. Да, но период обращения – 4 часа 29 минут, а надо – 4 и 26. Теперь он уже совершенно не соображал, допустимо такое отклонение или нет. Он напрягал память, даже подумал, не отстегнуть ли ремни, – шпаргалка лежала под самым креслом, но черт его знает, может, в ней этого и нет, – и вдруг вспомнил, что говорил им на лекциях Кааль: «Орбиты рассчитываются с погрешностью 0,3 процента»; на всякий случай ввел данные в Вычислитель: погрешность была в норме. «Ну, более-менее», – сказал он себе и лишь теперь осмотрелся по-настоящему.

Сила тяжести исчезла, но он был привязан к креслу на совесть и только ощущал необычайную легкость. Передний экран: звезды, звезды и белесо-бурая полоска в самом низу, боковой экран – ничего, лишь чернота и звезды. Нижний экран – ага! Пиркс с любопытством разглядывал Землю: он мчался над ней на высоте от 700 до 2400 километров на разных участках орбиты – Земля была огромная, заполняла целый экран, он как раз пролетал над Гренландией – ведь это Гренландия? – пока он соображал, что это, под ним была уже Северная Канада. Вокруг полюса сверкали снега, океан был фиолетово-черный, выпуклый, гладкий, словно отлитый из металла, облаков удивительно мало, точно по выпуклой поверхности кое-где расплескали жидкую кашу. Пиркс взглянул на часы.

Он летел уже одиннадцать минут.

Теперь надо было поймать позывные ПАЛа и, проходя через его зону, следить за радаром. Как называются те два корабля? РО? Нет, ИО, – а номера? Он заглянул в листок с заданием, сунул его в карман вместе с бортовым журналом и шевельнул ручку настройки у себя на груди. Эфир заполняло попискивание и потрескивание, ПАЛ – какой у него код? Ага, Морзе, – он напрягал слух, поглядывал на экраны, Земля неторопливо вращалась под ним, звезды быстро проплывали в экранах, а ПАЛ куда-то запропастился – не видать его, не слышать.

Вдруг он услышал жужжание.

«ПАЛ? – подумал он и тут же отбросил эту мысль.– Глупости, спутники не жужжат. А что тогда жужжит?»

«Ничего не жужжит,– ответил он сам себе.– Так что же это?»

Авария?

В общем-то он даже не испугался. Что еще за авария при выключенном двигателе? Жестянка разваливается сама по себе, что ли? А может, короткое замыкание? Замыкание! Господи Боже! Инструкция на случай пожара 111-А: «Пожар в пространстве на орбите», параграф... а, чтоб им всем! – все жужжит и жужжит, он едва различал попискивание далеких сигналов.

«Ну прямо как муха в стакане»,– вконец ошалев, подумал он, перебегая глазами от индикатора к индикатору,– и тут он ее увидел.

Это была муха-гигант, черная, с зеленоватым отливом, из тех омерзительных мух, что, кажется, созданы лишь для того, чтобы отравлять людям жизнь, настырная, наглая, дурацкая и в то же время шустрая муха; она каким-то чудом (а как же еще?) забралась в ракету и теперь летала снаружи стеклянного пузыря, жужжащим комочком тычась в светящиеся циферблаты.

Пролетая над Вычислителем, в наушниках она гудела как четырехмоторный самолет: там, над верхней рамой Вычислителя, помещался еще один микрофон, резервный, им можно было пользоваться без ларингофона, встав с кресла, когда кабели внутренней связи отключены. Зачем? На всякий случай. Таких устройств было множество.

Он проклинал этот микрофон – боялся, что не услышит ПАЛ. Муха, точно ей было этого мало, начала расширять зону облетов. Несколько минут, не меньше, он невольно водил за ней глазами, пока наконец не сказал себе строго, что плевать ему на эту муху.

Жаль, нельзя подсыпать туда какого-нибудь дуста.

– Хватит!

В наушниках зажужжало так, что он скривился. Муха прохаживалась по Вычислителю. Стало тихо – она чистила крылышки. Что за мерзкая тварь!

В наушниках возник ритмичный, далекий писк: три точки, тире, две точки, два тире, три точки, тире – ПАЛ.

«Ну, а теперь надо глядеть в оба!» – сказал он себе, еще немного приподнял кресло, чтобы видеть три экрана сразу, еще раз проследил за вращением фосфоресцирующего поискового луча на экране радара и стал ждать. На радаре ничего не было, но по радио кто-то вызывал:

– А-7 Земля-Луна, А-7 Земля-Луна, сектор три, курс сто тринадцать, вызывает ПАЛ ПЕЛЕНГ. Дайте пеленг. Прием.

«Вот незадача, как я теперь услышу мои ИО!» – встревожился Пиркс.

Муха взвыла в наушниках и куда-то пропала. Минуту спустя его сверху накрыла тень –

словно на лампу уселась летучая мышь. Это вернулась муха. Она сновала по стеклянному пузырю, будто желала дознаться, что там такое внутри. Тем временем в эфире становилось тесно: он увидел ПАЛ (тот и впрямь походил на палицу – восьмисотметровый алюминиевый цилиндр со сферической шишкой обсерватории на конце); Пиркс летел над ним примерно в четырехстах километрах или чуть больше – и постепенно его обгонял.

– ПАЛ ПЕЛЕНГ вызывает А-7 Земля-Луна, сто восемьдесят запятая четырнадцать, сто шесть запятая шесть. Отклонение возрастает линейно. Конец.

– Альбатрос-4 Марс-Земля вызывает ПАЛ-Главный, ПАЛ-Главный, иду на заправку сектор два, иду на заправку сектор два, горючее на исходе. Прием.

– А-7 Земля-Луна вызывает ПАЛ ПЕЛЕНГ...

Дальше он не расслышал – все перекрыло жужжание. Наконец муха затихла.

– ПАЛ-Главный Альбатросу-4 Марс-Земля, заправка квадрант семь, Омега-Главная, заправка переносится, Омега-Главная. Конец.

«Они нарочно тут собрались, чтобы я ничего не услышал», – подумал Пиркс.

Противопотное белье плавало на его теле. Муха с бешеным жужжанием кружила «над Вычислителем, словно во что бы то ни стало хотела догнать собственную тень.

– Альбатрос-4 Марс-Земля, Альбатрос-4 Марс-Земля вызывает ПАЛ-Главный, направляюсь квадрант семь, направляюсь квадрант семь, прошу вести меня по ближней радиосвязи. Конец.

Удаляющееся попискивание радифона потонуло в нарастающем жужжании. Потом из него выделились слова:

– ИО-2 Земля-Луна, ИО-2 Земля-Луна вызывает АМУ-27, АМУ-27. Прием.

«Интересно, кого это он вызывает?» – подумал Пиркс и вдруг подпрыгнул в своих ремнях.

«АМУ», – хотел он сказать, но охрипшее горло не пропустило ни звука. В наушниках жужжало. Муха. Он закрыл глаза.

– АМУ-27 вызывает ИО-2 Земля-Луна. Нахожусь квадрант четыре, сектор ПАЛ, включаю позиционные. Прием.

Он включил позиционные огни – два боковых красных, два зеленых на носу, один голубой сзади – и ждал. Кроме мухи, ничего не было слышно.

– ИО-2-бис Земля-Луна, ИО-2-бис Земля-Луна, вызываю...

Снова жужжание.

«Наверно, меня?» – подумал он в отчаянии.

– АМУ-27 вызывает ИО-2-бис Земля-Луна, нахожусь квадрант четыре, граничный сектор ПАЛ, все позиционные включены. Прием.

Теперь оба ИО отозвались одновременно; он включил селектор очередности, чтобы приглушить отозвавшегося вторым, но в наушниках жужжало по-прежнему. Конечно, муха.

«Я, наверно, повешусь», – подумал он. Ему не пришло в голову, что в невесомости даже такой выход невозможен.

На экране радара он увидел оба своих корабля: они шли за ним параллельными курсами в каких-нибудь девяти километрах друг от друга, то есть в опасной близости; как ведущий, он должен был их развести на безопасное расстояние – 14 километров. Он как раз уточнял на радаре положение пятнышек, означающих корабли, когда на одно из них уселась муха. Он швырнул в нее бортжурналом, тот не долетел, шлепнулся о стекло пузыря и, вместо того чтобы соскользнуть по нему, отскочил вверх, ударился о крышку стеклянной банки и принялся свободно порхать – невесомость! Муха даже не соизволила отлететь – она отошла пешком.

– АМУ-27 Земля-Луна вызывает ИО-2, ИО-2-бис. Вас вижу, у вас бортовое сближение. Приказываю перейти на параллельные курсы с поправкой ноль запятая ноль один. По завершении маневра перейти на прием. Конец.

Пятнышки начали медленно расходиться, может быть, они что-то ему говорили, но он уже слышал только муху. Та оглушительно разгуливала по микрофону Вычислителя. Бросать в нее было уже нечем. Бортжурнал парил над ним, мягко шелестя страницами.

– ПАЛ-Главный вызывает АМУ-27 Земля-Луна. Освободите граничный квадрант, освободите граничный квадрант, принимаю транссолнечный. Прием.

«Вот наглость, транссолнечного еще не хватало – какое мне до него дело?! Преимущество у кораблей, идущих в строю!» – подумал Пиркс и закричал, вложив в этот крик всю свою бессильную ненависть к мухе:

– АМУ-27 Земля-Луна вызывает ПАЛ-Главный. Квадранта не покидаю, чихать я хотел на транссолнечный, иду в строю треугольником: АМУ-27, ИО-2, ИО-2-бис, эскадра Земля-Луна, ведущий АМУ-27. Конец.

«Зря я насчет транссолнечного, – подумал он. – Теперь накинута штрафные очки. Холера их всех возьми. А за муху кто схлопочет штрафные? Тоже я».

С этой мухой только ему могло так повезти. Великое дело, муха! Он живо вообразил, как покатывались бы со смеху Смига с Берстом, узнай они об этой дурацкой мухе. В первый раз после старта он вспомнил о Берсте. Но времени на размышления не было – ПАЛ все заметнее начинал отставать. Они летели втроем уже пять минут.

– АМУ-27 вызывает ИО-2, ИО-2-бис Земля-Луна. Время двадцать ноль семь. Маневр выхода на параболический курс Земля-Луна начинаем в двадцать ноль десять. Курс сто одиннадцать... – читал он с листка, который ему только что удалось, акробатически изогнувшись, поймать над головой. Ведомые отозвались. ПАЛ уже скрылся из виду, но Пиркс все еще слышал его – то ли его, то ли муху. Вдруг жужжание как бы раздвоилось. Ему

захотелось протереть глаза. Ну да. Их уже было две. Откуда вторая-то вылезла?

«Теперь они меня доконают»,— спокойно, совершенно спокойно подумал он.

Было даже что-то утешительное в убеждении, что не стоит уже стараться, не стоит зря трепать нервы — они его все равно угробят. Это продолжалось секунду — потом он взглянул на часы: о Господи, именно это время он сам назначил для начала маневра и даже не взялся еще за рукоятки!

Но тысячи изнурительных тренировок не пропали, как видно, даром — он вслепую, не отрывая глаз от траектометра, нашел обе рукоятки, потянул левую, потом правую. Двигатель глухо отозвался, что-то зашипело, он почувствовал удар по голове и даже вскрикнул от неожиданности. Бортовой журнал корешком врезался ему в лоб — под самым козырьком шлема — и теперь закрывал лицо. Смахнуть его он не мог — обе руки были заняты, в наушниках гудели и клокотали любовные игрища мух на Вычислителе. «В полет должны выдавать револьвер»,— подумал он, чувствуя, как бортжурнал, тяжелея от перегрузки, расплющивает ему нос. Он бешено мотал головой — только бы увидеть траектометр! Журнал уже весил добрых три килограмма; наконец он со стуком упал на пол,— ну да, было почти 4g. Пиркс сразу же сбросил ускорение до величины, необходимой для маневрирования, и поставил рукоятки на стопор,— теперь индикатор показывал 2g. Неужели мухам это нипочем? Вот именно, нипочем. Они чувствовали себя превосходно. Так ему предстояло лететь 83 минуты. Он посмотрел на экран радара: оба ИО шли следом, дистанция между ними и его кормой возросла километров до семидесяти — потому что несколько секунд ускорение доходило до 4g и он выскочил вперед. Не страшно.

Теперь у него было немного свободного времени, до самого конца полета с ускорением, 2g — не Бог весть что такое. Сейчас он весил сто сорок два кило — всего лишь. А ведь он, бывало, по полчаса просиживал в лабораторной карусели при 4g.

Конечно, приятного было мало: руки и ноги словно чугунные, а головой и пошевелить нельзя — темнеет в глазах.

Он еще раз проверил положение обоих кораблей у себя за кормой. Интересно, что теперь делает Берст? Он представил себе его лицо — небось хоть в кино снимай... Один подбородок чего стоит! Нос прямой, глаза серые, даже серо-стальные,— уж он-то точно не взял с собой никаких шпаргалок! Впрочем, и ему шпаргалка пока не понадобилась. Жужжанье в наушниках стало тише — обе мухи ползали над его головой по стеклянному верху банки, их тени задевали его лицо, в первый раз его даже передернуло. Он посмотрел вверх — черные мушиные лапки на концах были приплюснуты, брюшки отливали в свете ламп металлическим блеском. Фу, гадость!

— Порыв-8 Марс-Земля вызывает Треугольник Земля-Луна, квадрант шестнадцать, курс сто одиннадцать запятая шесть. Идете сходящимся со мной курсом, схождение через одиннадцать минут тридцать две секунды, прошу изменить курс. Прием.

«Ну надо же! — екнуло у него в груди.— Лезет, болван, напрямик — видит же, что я в строю!»

— АМУ-27, ведущий Треугольник Земля-Луна ИО-2, ИО-2-бис, вызывает Порыв-8 Марс-Земля. Иду в строю, курс не меняю, выполняйте маневр расхождения. Конец.

Одновременно он искал этого наглеца на радаре – и нашел! В каких-то полутора тысячах километров!

– Порыв-8 вызывает АМУ-27 Земля-Луна, у меня пробита гравиметрическая система, немедленно выполняйте маневр расхождения, точка схождения курсов сорок четыре ноль восемь, квадрант Луна четыре, граничная зона. Прием.

– АМУ-27 вызывает Порыв-8 Марс-Земля, ИО-2, ИО– 2-бис Земля-Луна, выполняю маневр расхождения время двадцать тридцать девять, одновременный поворот за ведущим на расстоянии видимости, отклонение к северу сектор Луна один ноль запятая шесть, включаю двигатели малой тяги. Прием.

Еще продолжая говорить, он включил обе нижние рулевые дюзы. Ведомые ответили сразу, выполнили поворот, звезды проплыли в экранах, «Порыв» поблагодарил – он летел к Луне Главной. Пиркс, в неожиданном приливе воодушевления, пожелал ему мягкой посадки, это считалось хорошим тоном, тем более что у того была авария,– он видел его в тысяче километров от себя с включенными позиционными огнями,– потом снова вызвал свои ИО, и началось возвращение на прежний курс – ужас! Известное дело – сойти с курса легче легкого, а вот поди отыщи потом нужный отрезок параболы! Другое ускорение – он не успевал вводить данные, по Вычислителю ползали мухи, потом замельтешили перед радаром, их тени носились по экрану. И откуда у этих тварей столько сил? Прошло добрых двадцать минут, прежде чем он вышел на заданный курс.

«А у Берста, должно быть, дорога как пылесосом вычищена,– подумал Пиркс.– Впрочем, что ему! Он и так управится одной левой!»

Он включил автомат тяги, чтобы на 83 минуте согласно заданию сбросить ускорение до нуля,– и тут увидел такое, что насквозь промокшее противопотное белье показалось ему сшитым изо льда.

С распределительного щита медленно, по миллиметру, сползала белая крышка. Ее, как видно, плохо закрепили, и во время рывков при маневрировании (он действительно дергал слишком уж резко) зажимы ослабли. Между тем ускорение все еще было 1,7g, крышка сползала медленно, словно кто-то тянул ее вниз невидимой ниткой,– и вдруг соскочила, ударилась о стекло колпака снаружи, соскользнула по нему и осталась лежать на полу. Заблестели четыре оголенных медных провода высокого напряжения, а под ними – предохранители.

«Ну, и чего я, собственно, перепугался? – сказал он себе.– Крышка упала, подумаешь. С крышкой, без крышки, не все ли равно?»

И все-таки ему было тревожно – такого случаться не должно. Если слетает крышка с предохранителей, то может и корма отвалиться.

До конца полета с ускорением оставалось всего двадцать семь минут, когда он сообразил, что после выключения тяги крышка станет невесомой и начнет летать по кабине. Пожалуй, еще наделает бед? Да нет, вряд ли. Слишком легка. Даже стеклышка не разобьет. Э-э, обойдется.

Он поискал взглядом мух,– гоняясь друг за дружкой, жужжа, мельтеша, они описывали круги вокруг банки, пока не уселись под предохранителями. Он потерял их из виду.

На экране радара он нашел оба своих ИО – на заданном курсе. Передний экран заполнял огромный, вполнеба, лунный диск. Когда-то они проходили селенографическую практику в кратере Тихо, и Берст с помощью обычного переносного теодолита смог вычислить... э-э, к дьяволу, чего он только не может! Пиркс попытался отыскать Луну Главную на внешнем склоне кратера Архимеда. Она глубоко зарылась в скалы и была почти не видна; лишь по сигнальным огням можно было бы различить отутуженную посадочную площадку – разумеется, ночью, но теперь там светило солнце. И хотя станция лежала в полосе тени от кратера, контраст с ослепительно сверкающим диском был так резок, что слабые сигнальные огни совершенно терялись.

Луна выглядела так, словно на нее не ступала нога человека, от Лунных Альп на равнину Моря Дождей ложились длинные-длинные тени. Он вспомнил, как перед полетом на Луну – всей группой, и летели они простыми пассажирами – Ослиный Лужок попросил его проверить, видны ли с Луны звезды седьмой величины, а он, осел, согласился с величайшей готовностью! У него начисто вылетело из головы, что днем с Луны звезд вообще не видно: слишком слепит глаза сияние солнца, отраженное от лунной поверхности. Ослиный Лужок потом еще долго донимал его этими «звездами с Луны». Лунный диск понемногу распухал на экранах – в переднем он уже вытеснял последние клочки черного неба.

Странно – жужжание стихло. Он глянул направо – и остолбенел.

Одна муха сидела на выпуклом боку предохранителя и чистила крылышки, другая с ней заигрывала. В каких-то миллиметрах от них блестел кабель. Изоляция кончалась чуть выше – все четыре провода, толщиной почти с карандаш, были оголены, напряжение не слишком высокое, 1000 вольт, поэтому и расстояние между ними было небольшим – семь миллиметров. Он случайно знал, что семь. Как-то они разбирали всю проводку, и за то, что он не знал расстояния между проводами, ассистент наговорил ему всякого. Муха покончила с флиртом и теперь ползала по голому проводу. Понятно, это ей ничем не грозило. Но если бы ей вздумалось перелезть на другой... Как видно, это-то ей и вздумалось: она зажужжала и уселась на крайнем медном проводе. Как будто во всей кабине не нашлось другого места! Если ее передние лапки окажутся на одном проводе, а задние на другом...

Ну и что? В худшем случае будет короткое замыкание, впрочем, муха, пожалуй, не так уж и велика. А даже если... что ж, закортит на секунду, предохранитель автоматически выключит ток, муха сгорит, автомат опять включит ток, вот и все, – зато от мухи он будет избавлен! Как загипнотизированный, он смотрел на щит высокого напряжения. И все-таки лучше бы этой твари не пробовать. Короткое замыкание – один дьявол знает, чем это может кончиться. Вроде бы ничем – но лучше не надо.

Время: еще восемь минут на постепенно убывающей тяге. Скоро конец. Он еще не перевел взгляд с циферблата, как что-то сверкнуло – и свет погас. На какую-то треть секунды, не дольше. «Муха!» – успел он подумать, с затаенным дыханием ожидая включения автомата. Автомат сработал.

Свет зажегся, но оранжевый, тусклый, и тут же предохранитель щелкнул опять. Темень. Автомат снова включил ток. Выключил. Включил. И так пошло – без конца. Свет загорался вполненакала, в чем дело? В мгновенных, периодически повторяющихся проблесках света он с трудом разглядел: от мухи – эта тварь втиснулась-таки между проводами – остался обугленный трупик, он-то и продолжал соединять провода.

Нельзя сказать, чтобы он очень уж испугался. Он был беспокоен, да, но разве после старта он успокаивался хоть на минуту? Часы были плохо видны. Табло индикаторов имели автономное освещение, радар тоже. Тока хватало ровно настолько, чтобы ни аварийные огни, ни резервная цепь не включалась, – но не настолько, чтобы было светло. До выключения двигателей оставалось четыре минуты.

Ему не приходилось об этом заботиться: редуктор выключит двигатель автоматически. Ледяная струйка пробежала у него по спине – как же выключит, если в сети замыкание?

Он было засомневался: может, это не та цепь, а другая? – пока не сообразил, что это главные предохранители, для всей ракеты и всех цепей. Но реактор, реактор-то сам по себе?..

Реактор – да. Но не автомат. Он ведь сам его включил. Значит, надо теперь отключить. Или лучше не трогать? Может, все-таки обойдется?

Конструкторы не учли, что в кабину может попасть муха, что крышка может сползти и будет замыкание – да какое!

Свет мигал не переставая. Что-то надо было делать. Но что?

Очень просто: переключить главный рубильник – сзади, под полом. Он отключит главную цепь и подсоединит аварийную. Только и всего. Ракета сконструирована не так уж бестолково, все предусмотрено, и даже с запасом надежности.

Интересно, а Берст тоже сразу бы до этого додумался? Как ни обидно – пожалуй, да. И даже... но оставалось всего две минуты! Он не успеет выполнить маневр! Пиркс рванулся в своих ремнях. Он же напрочь забыл о тех!

Он закрыл глаза и сосредоточился.

– АМУ-27 ведущий Земля-Луна вызывает ИО-2, ИО-2-бис. У меня замыкание в рулевой рубке. Маневр выхода на временную стационарную орбиту над экваториальной зоной Луны выполню с опозданием... э-э... неопределенной продолжительности. Выполняйте маневр самостоятельно в установленное время. Прием.

– ИО-2-бис ведущему АМУ-27 Земля-Луна. Выполняю маневр выхода на временную стационарную орбиту над экваториальной зоной совместно с ИО-2. У тебя девятнадцать минут до Диска. Желаю удачи. Конец.

Едва дослушав, он отвинтил кабель радифона, кислородный шланг, второй кабель, поменьше, – ремни он отстегнул еще раньше. Когда он вставал с кресла, автомат редуктора вспыхнул рубиновым светом. Кабина периодически выныривала из темноты в мутно-оранжевый полусвет. Двигатель не включился. Рубиновый огонек глядел из полутьмы, словно спрашивая совета. Послышалось монотонное гудение – сигнал тревоги. Автомат не смог выключить двигатели.

С трудом удерживая равновесие, он бросился туда, за кресло.

Рубильник помещался в кассете, вделанной в пол. Кассета – заперта на ключ. Так и есть, заперта. Он рвал на себя крышку – та не поддавалась. Где ключ?

Ключа не было. Он дернул еще раз – впустую.

Он выпрямился. Смотрел перед собой невидящими глазами – на передних экранах сияла уже не серебристая, а белая, как горные снега, огромная Луна. Зубчатые тени кратеров проплывали по ее диску. Включился радарный альтиметр – или он работал уже давно? Под его мерное тиканье из полутьмы выскакивали зеленые цифирки: расстояние – двадцать одна тысяча километров.

Свет непрерывно мигал, предохранитель выключал и включал ток. Но кабина уже не погружалась во тьму: прозрачное сияние Луны наполняло ее и лишь ненамного ослабевало, когда лампы загорались полуживым светом.

Корабль летел все прямо и прямо, продолжая набирать скорость при остаточном ускорении 0,2g, – а Луна притягивала его все сильнее. Что делать?! Он еще раз метнулся к кассете, пнул ногой крышку – сталь даже не дрогнула.

Сейчас! О Господи! Как он мог так поглупеть! Надо... надо всего лишь попасть туда, за прозрачную стенку! Ведь можно же! У самого выхода, где стеклянный пузырь, сужаясь, переходит в воронку, которая заканчивается у люка, под табличкой «ТОЛЬКО ПРИ АВАРИИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЯ» есть покрытый красным лаком рычаг. Стоит его перевести, и стеклянная банка приподнимется почти на метр – можно пролезть, каким-нибудь кусочком изоляции очистить провода и...

В один прыжок он очутился у красного рычага. «Болван!» – мысленно рявкнул он на себя, вцепился в стальной рычаг и рванул его так, что в плечах хрустнуло. Рукоятка выскочила во всю длину отливающего маслом стального прута, – а банка даже не шелохнулась. Он ошалело таранился на нее – в глубине виделись экраны, заполненные сияющей Луной, свет по-прежнему мигал над его головой, – он дернул еще раз, хотя рукоятка и так была уже выдвинута до предела... Все напрасно...

Ключ! Ключ от кассеты с рубильником! Он ничком бросился на пол, заглянул под кресло. Там валялась только шпаргалка...

Лампы непрерывно мигали, предохранитель включал и выключал ток. Когда огни гасли, все вокруг становилось белым, как скелет, словно выструганным из костей.

«Конец!» – подумал он. Катапультироваться вместе с банкой? Вместе с креслом, в капсуле? Нельзя, парашют не сработает, на Луне ведь нет атмосферы. «На помощь!!!» – хотелось ему крикнуть, но звать было некого – он был один. Что делать?! Должен же быть какой-нибудь выход!

Он снова рванул к рукоятке – рука чуть не выскочила из суставов. От отчаяния хотелось заплакать. Так глупо, так глупо... Где ключ? Почему механизм заело? Альтиметр... Он бросил взгляд на табло: девять с половиной тысяч километров. На сверкающем диске ясно виднелись зубчатые края Тимохариса. Ему почудилось, будто он уже видит то место, где врежется в покрытую пемзой скалу. Будет гром, вспышка и...

Вдруг, в секундном проблеске света, его бешено скачущие глаза упали на четверной ряд медных жил. Там отчетливо чернел уголек, соединявший провода, – все, что осталось от

мухи. Выставив плечо, он отчаянно, по-вратарски прыгнул вперед, удар был страшный, он чуть не лишился сознания. Стенка не дрогнула. Он вскочил, тяжело дыша, с окровавленным ртом, готовый снова броситься на стеклянную стену.

Посмотрел вниз.

Рукоятка малого пилотажа. Для больших, порядка 10g, но кратковременных ускорений. Действовала она напрямую, через механическое сцепление. И на долю секунды давала аварийную тягу.

Но ею он мог лишь прибавить скорость, то есть – еще быстрее долететь до Диска. А не затормозить. Тяга была слишком кратковременной. А торможение должно быть непрерывным. Значит, малый пилотаж – бесполезен?

Он кинулся к рукоятке, падая, схватил ее, рванул, уже без амортизирующей защиты кресла; ему показалось, что кости у него разлетаются, так его бросило о пол. Он дернул еще раз. Еще один страшный, мгновенный прыжок ракеты! Он ударился головой оземь, если бы не пенопласт – разбился бы вдребезги.

Предохранитель звякнул – и мигание вдруг прекратилось. Кабину залило нормальное, спокойное сияние ламп.

Мгновенные ускорения малого пилотажа двойным ударом выбили трухлявый уголек, застрявший между проводами. Замыкание было устранено. Чувствуя соленый привкус крови во рту, он прыгнул в кресло, словно нырял с трамплина, но промахнулся, пролетел высоко над спинкой, – страшный удар о верх пузыря, лишь отчасти смягченный шлемом.

Как раз тогда, когда он отталкивался для прыжка, заработавший автомат выключил двигатель. Остаточная сила тяжести исчезла. Корабль, теперь уже по инерции, камнем падал прямо на скалистые руины Тимохариса.

Он оттолкнулся от потолка. Кровавая слюна – его собственная – серебристо-красными пузырьками плавала возле него. Отчаянно извиваясь, он вытягивал руки к спинке кресла. Выгреб из карманов все, что там было, и швырнул за спину.

Сила отдачи медленно, мягко подтолкнула его, он опускался все ниже, пальцы, вытянутые так, что лопались сухожилия, царапнули ногтями никелированную трубку и впились в нее. Теперь он уже не отпустил. Головой вниз, как гимнаст, выполняющий стойку на брусках, подтянулся, поймал ремни, съехал по ним вниз, обернул их вокруг туловища – застежка... застегивать было некогда, он зажал конец ремня зубами – держало. Теперь руки на рукоятки, ноги – в стремянные педали!

Альтиметр: до Диска – тысяча восемьсот километров. Ну что, успеет затормозить? Исключено! 45 километров в секунду! Нужно выполнить разворот, глубокий выход из пике – только так!

Он выключил рулевые дюзы – 2, 3, 4g! Мало! Мало!

Дал полную тягу на разворот. Сверкающий ртутью диск, до сих пор словно бы встроенный в экран, дрогнул и начал все быстрее уплывать вниз. Кресло поскрипывало под растущей

тяжестью тела. Корабль описывал дугу над самой поверхностью Луны, дугу огромного радиуса, ведь скорость была громадная. Рукоятка стояла не шелохнувшись, доведенная до упора. Его все глубже вдавливали в губчатое сиденье, дыхание перехватывало – комбинезон не был соединен с кислородным компрессором, он чувствовал, как прогибаются ребра, сероватые пятна замелькали перед глазами. Ежесекундно ожидая потери зрения, он все же не отрывал глаз от рамки радарного альтиметра, перемальевавшего в своих окошечках цифры, один ряд выскакивал за другим: 990 – 900 – 840 – 760 километров...

Он знал, что идет на полной тяге, и все-таки продолжал выжимать рукоятку. Он делал самый крутой поворот, какой только был возможен, и все же продолжал терять высоту – цифры по-прежнему уменьшались, хотя все медленнее и медленнее – он все еще был в нисходящей части огромной дуги. С трудом – глазные яблоки едва поворачивались – он склонился на траектометр.

Экран аппарата, как и обычно при полете в опасной близости от небесных тел, показывал не только траекторию корабля, вместе с ее слабо мерцающим вероятным продолжением, но и профиль участка лунной поверхности, над которым выполнялся маневр.

Обе кривые – полета и лунного профиля – почти сходились. Пересекались они или нет?

Нет. Но его дуга почти касалась поверхности. Было неясно, проскользнет он над Дисксом – или врежется в грунт. Погрешность составляла семь-восемь километров, и Пиркс не мог знать, где проходит кривая: над скалами или под ними.

В глазах темнело – 5g делали свое. Но сознания он не терял. Лежал, ослепший, стиснув пальцы на рукоятках, чувствуя, как понемногу сдают амортизаторы кресла. В то, что пришел конец, он не верил. Просто не мог поверить. Уже и губы отказывались пошевелиться – и в наступившей для него темноте он медленно считал про себя: двадцать один... двадцать два... двадцать три... двадцать четыре.

При счете «пятьдесят» мелькнула мысль: вот оно, столкновение – если ему вообще суждено случиться. И все-таки он не разжал ладоней. Ему становилось все хуже: удушье, звон в ушах, во рту полно крови, в глазах – кровавая темень...

Пальцы разжались сами – рукоятка медленно сдвинулась, он уже ничего не слышал, ничего не видел. Тьма постепенно серела, дышать становилось легче. Он хотел открыть глаза, – но они оставались все время открытыми и теперь горели огнем: пересохла роговица.

Он сел.

Гравиметр показывал 2g. Передний экран – пуст. Звездное небо. Луны ни следа. Куда девалась Луна?

Она осталась внизу – под ним. Из своего смертельного пике он взмыл ввысь – и теперь удалялся от нее с убывающей скоростью. Как близко он прошел над Луной? Альтиметр, конечно, зарегистрировал, но в эту минуту у него были дела поважнее, чем выпытывать цифровые данные у прибора. Лишь теперь до его сознания дошло, что сигнал тревоги наконец-то замолк. Много пользы от такого сигнала! Уж лучше бы подвесили колокол. Погост – так погост. Что-то тихонько зажужжало – муха! Та, вторая! Жива, проклятая тварь! Она кружила над самой банкой. Во рту у него торчало что-то отвратительное, шершавое, с

привкусом полотна – конец предохранительного ремня! Он все еще сжимал его в зубах. И даже не замечал этого.

Он застегнул ремни, положил ладони на рукоятки: теперь надо вывести ракету на заданную орбиту. Обоих ИО, конечно, и след простыл, но он должен дотянуть, куда следует, и доложить о себе Луне Навигационной. А может, Луне Главной, ведь у него авария? Черт их разберет! Или сидеть тихо? Исключено! Когда он вернется, увидят кровь, даже стеклянный верх забрызган красным (теперь он это заметил), впрочем, регистрирующее устройство записало на пленку все, что тут творилось, – и безумства предохранителя, и его борьбу с аварийной рукояткой. Хороши эти АМУ, нечего сказать! А еще лучше те, что подсовывают пилотам такие гробы!

Но пора уже было рапортовать, а он все еще не знал, кому; он отпустил плечевой ремень, нагнулся и протянул руку к шпалгалке, валявшейся под креслом. В конце концов, почему бы и не заглянуть в нее? Хоть теперь пригодится.

И тут позади он услышал скрип – точь-в-точь будто отворилась какая-то дверь.

Никакой двери там не было, он знал это точно, а впрочем, привязанный ремнями к креслу, не мог обернуться, – но на экраны упала полоса света, звезды поблекли, и он услышал приглушенный голос Шефа:

– Пилот Пиркс!

Он хотел вскочить, ремни не пустили, он опять упал в кресло – с ощущением, будто сходит с ума. В проходе между стенками кабины и пузыря появился Шеф. Шеф стоял перед ним в своем сером мундире, серыми глазами смотрел на него – и улыбался. Пиркс не понимал, что такое с ним происходит.

Стеклянная оболочка приподнялась – он машинально начал отстегивать ремни, встал, – экраны за спиной Шефа внезапно погасли, словно их ветром задуло.

– Совсем неплохо, пилот Пиркс, – сказал Шеф. – Совсем неплохо.

Пиркс все еще не соображал, что с ним, и, стоя навтыяжку перед Шефом, сделал нечто ужасное – повернул голову, насколько позволял надутый ворот.

Весь проход вместе с люком раздался по сторонам – как будто ракета здесь лопнула. В полосе вечернего света виднелся помост ангара, какие-то люди на нем, тросы, решетчатые консоли... Пиркс с полуоткрытым ртом взглянул на Шефа.

– Подойди-ка, дружище, – сказал Шеф и медленно протянул ему руку. Пиркс пожал ее. Шеф усилил пожатие и добавил: – От имени Службы Полетов выражаю тебе признательность, а от своего собственного – прошу извинения. Это... это необходимо. А теперь зайдем-ка ко мне. Ты сможешь умыться.

Он направился к выходу. Пиркс пошел за ним, ступая тяжело и неуклюже. На воздухе было холодно и дул слабый ветерок: он проникал в ангар через раздвинутую часть перекрытия. Обе ракеты стояли на прежних местах – только к их носовым частям тянулись, провисая дугой, длинные, толстые кабели. Раньше этих кабелей не было.

Стоявший на помосте инструктор что-то ему говорил. Через шлем было плохо слышно.

– Что? – машинально переспросил он.

– Воздух! Выпусти воздух из комбинезона!

– А, воздух...

Пиркс повернул вентиль – зашипело. Он стоял на помосте. Двое в белых халатах чего-то ждали перед тросами ограждения. Нос ракеты казался распоротым. Мало-помалу его охватывала какая-то странная слабость... изумление... разочарование... все отчетливее перераставшее в гнев.

Рядом открывали люк второй ракеты. Шеф стоял на помосте, люди в белых халатах что-то объясняли ему. Из люка послышался слабый шорох...

Какой-то коричневый, полосатый, извивающийся клубок выкатился оттуда, смутным пятном мелькала голова без шлема, захлебывалась ревом...

Ноги под ним подогнулись.

Этот человек...

Берст врезался в Луну.